

Тем, кто грезит о других мирах

Что касается магии, то главное в ней не сила, а баланс. Если у тебя слишком мало способностей, ты слаб. Слишком много — и ты перестаешь быть самим собой.

*Тирен Серенс,
верховный жрец
Лондонского святилища*

ГЛАВА 1

Путешественник

I

Келл носил очень необычный плащ. У него была не одна сторона, как это принято, и даже не две, что посчитали бы оригинальным, а несколько, хотя это, разумеется, невозможно.

Когда Келл переходил из одного Лондона в другой, то первым делом снимал плащ и выворачивал его наизнанку пару раз (а то и трижды), пока не находил нужную сторону. Они были очень разными, и каждая для чего-то предназначалась. Некоторые позволяли слиться с толпой, другие, наоборот, выделиться, а одна ни к чему не подходила и поэтому нравилась ему больше всего.

Ступив из дворцовой стены прямо в вестибюль, Келл отдохнул пару минут — странствия между мирами не проходили для него бесследно. Затем он сбросил с плеч красный плащ с высоким воротом и вывернул наизнанку справа налево, превратив его в простую черную куртку. Правда, с вышивкой

серебром и двумя рядами серебряных пуговиц. Пересекая границу этого Лондона, Келл довольствовался скромной цветовой гаммой, так как не желал задевать гордость местных королевских особ или привлекать к себе внимание, однако это вовсе не означало, что он должен жертвовать и чувством стиля.

«О, эти короли», — подумал Келл, застегивая пуговицы куртки. Он начинал думать как Рай.

На стене медленно таял призрачный символ, оставшийся после прохождения Келла, напоминая след на песчаном берегу моря.

Келл никогда не стал бы помечать дверь здесь — по той простой причине, что никогда не возвращался этим путем. Виндзор и Лондон были расположены страшно неудобно: на расстоянии одного дня пути. Келл же мог перемещаться из одного места одного мира только в то же место другого. А в мире *Красного* Лондона никакого Виндзорского замка не существовало. Так что Келл пришел из городка Дайсен — сквозь каменную стену двора, принадлежавшего одному зажиточному джентльмену. В целом Дайсен был весьма приятным городишком.

В отличие от Виндзора — роскошного, но неприятного.

Как всегда, на мраморной стойке возле стены поджидал тазик с водой. Келл сполоснул окровавленную ладонь и серебряную крону, с помощью которой проходил сквозь стены, а затем надел шнурок на шею и опустил монету за воротник. Из дальнего зала доносились шарканье и приглушенные голоса слуг и стражей. Келл выбрал этот не-

большой вестибюль специально, чтобы ни с кем не столкнуться. Он прекрасно знал, что принц-регент не выносит его присутствия, и меньше всего нуждался в публике, которая наострит уши и вытаращит глаза, а затем во всех подробностях доложит о его визите.

Над стойкой с тазиком висело зеркало в позолоченной раме. Келл мельком взглянул на свое отражение — рыжегато-каштановые волосы загромождали один глаз, но он не стал их поправлять, а лишь разгладил плечи куртки и пошел через анфиладу на встречу с правителем.

В комнате было жарко и душно. В камине яростно бушевал огонь, а окна оказались закрыты, хотя снаружи царил прекрасный осенний день.

Георг III сидел у камина, и высохшее тело монарха казалось еще меньше из-за огромной мантии. Перед ним стоял поднос с нетронутым чаем. Когда вошел Келл, король ухватился за края стула.

— Кто там? — окликнул он, не оборачиваясь. — Грабители? Призраки?

— Не думаю, что призраки ответили бы, ваше величество, — сказал Келл.

Больной король ослабил гнилые зубы.

— Мастер Келл, вы заставили меня ждать.

— Всего-навсего один месяц, — ответил тот, шагнув ближе.

Король Георг прищурил слепые глаза.

— Наверняка дольше.

— Клянусь, что нет.

— Для вас-то, может, и нет, — буркнул король, — но для безумцев и слепцов время течет иначе.

Келл улыбнулся. Сегодня король в хорошей форме. Так бывало не всегда. Келл никогда не знал, в каком настроении застанет его величество. Возможно, ему показалось, будто прошло больше месяца, поскольку в последний раз король был не в духе и Келлу насилу удалось успокоить его расшатанные нервы, чтобы передать сообщение.

— Должно быть, прошел не месяц, а год, — продолжал король.

— Но год-то все тот же.

— И какой же?

Келл нахмурился.

— Тысяча восемьсот девятнадцатый.

По лицу короля Георга пробежала тень. Затем он покачал головой и хмуро произнес:

— Время... Присаживайтесь, — добавил он, махнув рукой. — Здесь где-то должен быть еще стул.

Но стула не оказалось. Комната была пугающе пустой, и Келл не сомневался, что двери в ней отпирались и запирались не изнутри, а снаружи.

Король протянул костлявую руку, с которой сняли все кольца, чтобы он не поранился, а ногти обрезали под самый корень.

— Мое письмо, — потребовал он, и на миг Келл увидел того самого великого монарха, каким Георг был прежде.

Похлопав себя по карманам, Келл понял, что забыл достать конверт, перед тем как переодеться. Он сбросил куртку, вывернул ее в красный плащ и порывлся в складках. Когда Келл вложил в руку короля письмо, тот погладил его и нежно провел пальцами по сургучной печати с эмблемой красно-

го монарха — кубок с восходящим солнцем, — а затем поднес бумагу к носу и вдохнул запах.

— Розы, — с тоской сказал король.

Он имел в виду запах магии. Келл никогда не замечал легкого аромата Красного Лондона, въевшегося в его одежду, но, в какой бы мир он ни ходил, кто-нибудь обязательно говорил, что от него пахнет свежесрезанными цветами. Одни упоминали тюльпаны, другие — звездочеты. Кто-то чуял хризантемы, кто-то — пионы. Для короля Англии он пах розами. Келлу нравилось, что аромат приятный, пусть он его и не ощущал. Серый Лондон для него пах дымом, а Белый — кровью, а вот Красный Лондон — просто домом.

— Вскройте его, — повелел король. — Только не повредите сургуч.

Келл достал письмо из конверта. В кои-то веки он обрадовался, что король ничего не видит и потому не узнает, каким оно было коротким. Всего три строчки. Дань вежливости занемогшему номинальному правителю, и не более того.

— Это от королевы, — пояснил Келл.

Георг кивнул.

— Читайте, — приказал он, приняв величественный вид, так не подходивший его слабому телу и дрожащему голосу. — Читайте.

Келл сглотнул.

— «Приветствия его величеству королю Георгу Третьему от соседнего королевства», — прочитал он.

Она не назвала свое королевство *Красным* и не прислала приветствия от *Красного* Лондона (хотя город и впрямь казался таковым из-за яркого все-

проникающего свечения реки). У королевы, как и у всех, кто проживал лишь в одном Лондоне, не было необходимости различать столицы. Правители одного города говорили о правителях другого просто «другие», «соседи», а иногда и вовсе далеко не лестными словами, особенно если речь заходила о Белом Лондоне.

Но тем немногим, кто мог перемещаться из одного Лондона в другой, нужно было четко их разграничивать. Поэтому Келл присвоил каждой из столиц свой цвет — по аналогии с исчезнувшим Лондоном, который все называли Черным.

Столица без магии — Серый.

В процветающей империи — Красный.

В голодающей стране — Белый.

По правде говоря, эти города мало походили друг на друга, а уж страны — и того меньше. Загадкой было даже то, почему все они назывались «Лондон», хотя, согласно общепринятой теории, одна из столиц получила это название давным-давно — еще до того, как все двери были запечатаны и короли и королевы смогли обмениваться лишь письмами. Однако по вопросу о том, какой из городов получил это название первым, единого мнения не было.

— «Надеемся узнать, что вы в добром здравии, — говорилось далее в письме королевы, — и что погоды в вашем городе такие же ясные, как и в нашем».

Келл замолчал. Больше ничего не было — только подпись. Король Георг нахмурился.

— Неужели это все? — спросил он.

Келл помялся.

— Нет, — сказал он, сложив письмо. — Это только начало.

Он кашлянул и зашагал по комнате, собираясь с мыслями и подлаживаясь под стиль королевы.

— «Благодарю вас за то, что спросили о здоровье нашей семьи, — пишет она. — Король и я в добром здравии, однако принц Рай по-прежнему поражает и бесит в равной степени. Впрочем, за этот месяц он хотя бы не свернул себе шею и не нашел себе неподходящей пары. Благодарение одному лишь Келлу за то, что он удержал принца от этих и других неразумных поступков».

Келлу очень хотелось, чтобы королева остановилась на его заслугах подробнее, но как раз в эту минуту часы на стене пробили пять, и он еле слышно выругался. Келл опаздывал.

— «Прощаюсь до следующего письма, — поспешно закончил он. — Будьте здоровы и счастливы. С любовью, ее величество Эмира, королева Арнса».

Келл подождал, пока король что-нибудь скажет, но слепые глаза монарха смотрели в никуда, и Келл испугался. Он положил письмо на чайный поднос и пошел было к двери, как вдруг монарх заговорил.

— У меня нет письма для нее, — пробормотал он.

— Ничего страшного, — тихо сказал Келл. Король много лет не мог написать письмо. Несколько месяцев он наугад водил пером по пергаменту, потом стал диктовать Келлу письма, а теперь чаще всего передавал устные сообщения.

— Понимаете, у меня не было времени, — добавил король, пытаясь сохранить остатки достоинства. Келл не стал с ним спорить.

— Понимаю, — согласился он. — Я передам королевской семье привет от вас.

Келл опять повернулся к двери, но старый король вновь его окликнул:

— Погодите, погодите! Вернитесь.

Келл остановился и взглянул на часы. Уже поздно, и он все сильнее опаздывает. Он представил, как принц-регент сидит за своим столом в Сент-Джеймс, вцепившись в стул и медленно закипая. При этой мысли Келл улыбнулся и вернулся к Георгу, а тот неловко вытащил что-то из-под мантии.

Монета.

— Запах исчезает, — пояснил король, держа монету аккуратно, словно хрупкую драгоценность. — Я больше не чувствую магии, не ощущаю роз.

— Монета — это всего лишь монета, ваше величество.

— Вообще нет, и вы это знаете, — буркнул Георг. — Выверните карманы.

Келл вздохнул.

— У меня будут неприятности.

— Не волнуйтесь, — хмыкнул король. — Это наш маленький секрет.

Келл засунул руку в карман. Много лет назад, впервые посетив короля Англии, он дал ему монету — в подтверждение того, кто он и откуда. Монарх был посвящен в историю других Лондонов, которая передавалась по наследству, но странник не приходил уже много лет. Король Георг глянул на

щуплого мальчишку, прищурился, протянул руку ладонью вверх, и Келл положил туда монету. Это была простая крона, очень похожая на местный шиллинг, только с красной звездой, а не с портретом монарха. Король зажал монету в кулаке и, поднеся к носу, вдохнул ее аромат. Потом он улыбнулся, спрятал монету под плащом и пригласил Келла войти.

С тех пор король всякий раз жаловался Келлу, что монета утратила магию, и просил обменять ее на другую — новенькую, пахнущую розами. Келл всегда говорил, что приносить вещи из других миров запрещено (это и правда категорически запрещалось), и всякий раз король настаивал на их маленьком секрете, после чего Келл со вздохом вручал ему очередную «красную» крону.

И в этот раз он взял старую монету, положил на ладонь Георга новую и бережно сжал пальцы на костлявом кулаке старого короля.

— Да-да, — проворковал больной монарх.

— Счастливо, — сказал Келл на прощанье.

— Да-да, — повторил король. Его внимание рассеялось, он забыл о госте и обо всем на свете.

Угол комнаты был занавешен тяжелыми шторами. Раздвинув их, Келл обнаружил на узорчатых обоях знак. Этот круг, разделенный прямой линией, он нарисовал своей кровью месяц назад. На другой стене, в другой комнате другого дворца, был точной такой же круг. Они напоминали ручки с двух сторон одной двери.

Келл перемещался *между* мирами, подтверждая свое право кровью. Не нужно было точно опре-